

Просьба Котельникова не была удовлетворена, и он продолжал выполнять, к своему неудовольствию, обязанности цензора. В октябре того же 1759 года у него произошло новое столкновение с Сумароковым, причиной которого была рукопись последнего «Слово похвальное о государе императоре Петре Великом».

Сама идея написания «Слова похального о государе императоре Петре Великом» не могла не насторожить академическую цензуру: не дольше чем за четыре года до того была произнесена Ломоносовым речь на ту же самую тему. Ломоносов готовил свое «Слово похвальное Петру Великому» несколько лет, потратил на него много сил, вложил в него много важных идей и сделал его выдающимся произведением высокого искусства красноречия. Напечатанное отдельным изданием и вскоре переведенное на французский язык, «Слово похвальное Петру Великому» было программным произведением Ломоносова-просветителя и рассматривалось современниками как великое во всех отношениях достижение русской литературы. И вот Сумароков, дерзкий антагонист Ломоносова, осмеливается выступить — явно в противовес своему сопернику — со своим «Словом похвальным о государе императоре Петре Великом». Какие цели он может преследовать подобным шагом? Только не отстать от Ломоносова, сравниться с ним или даже превзойти его? Или он, враждебно настроенный по отношению к императрице Елизавете, хочет использовать «Слово» для каких-то фрондерских выступлений? Все это заставляло цензора быть особенно внимательным при чтении рукописи Сумарокова.

Можно представить себе положение С. К. Котельникова, когда ему пришлось прочесть в рукописи Сумарокова следующие резкие нападки на допетровское прошлое России: «До времени Петра Великого Россия не была просвещена ни ясным о вещах понятием, ни полезнейшими знаниями, ни глубоким учением; разум наш утопал во мраке невежества, искры остроумия угасали и воспламениться не имели силы. Вредительная тьма разума приятна была, и полезный свет тягостен казался».¹³

Еще более опасными могли показаться академическому цензору те места, в которых Сумароков нападает на духовенство, называя последнее условным в тот период обозначением «суеверов»: «Родился Петр, наступило его младенчество. Взошла на мрачный горизонт предвестница Солнца, багряная Аврора. Возрадовалась истина и ужаснулася суемудрие. Суеверы, почитая просвещение разума путем отвращающим нас от познания божества, кричали: предвещается падение благочестия, и паки: со младенчеством сего царевича, страх наш минется, освещение исчезнет и почтенное наше невежество, удерживающее нас на пути истинны, не разрушится. Возмужал Великий Петр, взошло солнце, и мрак невежества рассыпался. Обманулися невежи и упрямы, с суеверами возбудителями своими, в мерзкой своей надежде. Но прежде прибегают к оружию вредоносных человек: мздою, пьянством и суеверием ослепляют их, и возмущают войско».¹⁴

Излагая последующие события петровского времени, Сумароков продолжает развивать тему «суеверия» и делает такое обобщение, которое не могло не испугать Котельникова, несомненно хорошо знавшего сильное влияние духовенства на ревностно-религиозную Елизавету: «Тако утверждалося невежество под именем благочестия. Властолюбие и лихоимство бессовестных людей прибегали к суеверию, суеверие к варварству; ибо варварство во все времена паче всего суеверию повиновалось».¹⁵

Правда, Сумароков местами формулировал свои мысли в «Слове похвальном» так, что под «суеверами» можно было понимать раскольников-старо-

¹³ «Трудолюбивая пчела», 1759, октябрь, стр. 582.

¹⁴ Там же, стр. 582—583.

¹⁵ Там же, стр. 583.